

ПОКА ГОРИТ СВЕЧА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СБОРНИК МИСТИЧЕСКИХ ИСТОРИЙ

Сергей Вологодский

Пока горит свеча...

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2026

Вологодский С. Н.

Пока горит свеча... / С. Н. Вологодский — «Автор», «Автор»,
«Автор», «Автор», «Автор», «Автор», «Автор», «Автор», 2026

Десять свечей. Десять теней. Один коридор. Ты держишь в руках сборник, который нельзя читать при свете. Здесь нет случайных историй. Каждый рассказ — это свеча, которая горит, пока ты читаешь. Погаснет она — и ты окажешься в темноте с тем, что там живёт. Ты ищешь свет. Но он ведёт во тьму. Десять мистических историй под одной обложкой: проводник, который сам застрял между мирами; дом, который не хочет отпускать своих гостей; монстры, которые живут не под кроватью, а внутри нас. Это не просто сборник рассказов — это коридор, по которому можно идти только вперёд. Мистика, которая пугает. Мистика, которая заставляет плакать. Мистика, которая заставляет оборачиваться. Не оборачивайся. Просто читай.

© Вологодский С. Н., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дорогой читатель.	7
Погасла первая свеча...	8
Погасла вторая свеча...	19
Погасла третья свеча...	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аллаида Дюкова

Пока горит свеча...

Дорогой читатель.

Сейчас ты стоишь на пороге, перед тобой длинный коридор. Ты не знаешь, где он начинается, и не видишь, где заканчивается. Стены из старых кирпичей, покрыты паутиной и древней пылью.

Этот сборник — и есть этот самый коридор. Он не ведёт в гостиную или спальню. Он ведёт в бездну, у которой столько же лиц, сколько историй собрано под этой обложкой.

Вдоль стен, на равном расстоянии друг от друга, горят обычные свечи. Их ровно десять. Они расставлены так же, как тени расставляют ловушки. Каждая свеча — это голос. Каждая — это чужой сон, чужая боль, чужая одержимость. Они не дрожат, потому что в коридоре нет ветра — там вообще нет ничего живого, кроме слабых огоньков, что разгоняют тьму вокруг тебя.

Они разгоняют её для того, чтобы ты успел прочитать.

Первая свеча ярка и уверена. Ты видишь каждую букву, каждую запятую, каждую трещину на старых досках, что скрипят под ногами героя. Ты веришь этому свету. Ты доверяешь ему. Но стоит свече погаснуть — и всё меняется.

С каждой погасшей свечой меняется и голос теней. История, которую ты только что прочитал, не исчезает — она остаётся за спиной, и ты будешь помнить ее так же, как чувствуешь чужое дыхание на затылке. А впереди уже горит вторая свеча.

И так будет после каждой.

Десять свечей. Десять шагов вглубь коридора. С каждым погасшим огнем стены будут сужаться. Пол будет уходить из-под ног. В тишине начнут проступать звуки — чужое дыхание, шёпот за спиной, шаги, которые повторяют твои, но с задержкой в одно мгновение. Ты будешь чувствовать, как кто-то стоит прямо за плечом, читает те же строки, дышит тебе в затылок.

Но ты не оборачивайся. Помни, в этом коридоре нельзя оборачиваться. Можно только читать. Можно только гасить свечи одну за другой, пока в руках не останется последняя, десятая свеча.

А когда она погаснет...

Когда она погаснет, ты окажешься в полной тьме. Но ты не один. Вокруг тебя будут стоять десять теней — по одной от каждой погасшей свечи. Они будут молчать. Они будут ждать. А за твоей спиной, чуть ближе, чем все остальные, встанет одиннадцатая. Твоя.

Не бойся. Ведь именно ради этого ты и пришёл.

Ты ищешь свет. Даже если он ведёт во тьму.

Поверни страницу. Затаи дыхание. Первая свеча уже начала дрожать.

Погасла первая свеча...

«В зале ожидания... Только сидеть и ждать в нём нельзя».

Зал ожидания
Сергей Вологодский

Женя открыл глаза. Точнее, ему показалось, что он их открыл, потому что вокруг не было ничего, кроме яркого белого света. Мелкий сухой песок забился в рот, в нос и в уши — казалось, он был везде. Женя сел. Голова не болела. Это было странно, потому что последнее, что он помнил, — это как руль вырывается из рук, а перед фарами вырастает берёза.

Он встал и осмотрелся. Кругом была пустыня, которая простиралась во все стороны. Ни барханов, ни верблюдов, ни чёрной ленты шоссе, ни столбов с проводами — ничего, что говорило бы о присутствии человека. Просто ровная, как стол, земля, покрытая редкой жёсткой травой и мелкими камнями. Небо висело низко, одного оттенка с землёй, так что горизонт исчезал. Женя потрогал рёбра — целы. Лоб сухой. Он провёл ладонью по лицу: ни ссадин, ни крови, только песок. Посмотрел на часы. Они показывали десять минут пятого. Утро это или вечер, было неизвестно. Стрелки не двигались. Женя постучал по стеклу, но ничего не изменилось.

— Не торчи столбом, — раздался женский голос сзади.

Женя обернулся. В десяти шагах от него стояла девушка. Волосы её были тёмные и распущенные. Они лежали на плечах неровными прядями, без всякой укладки, и слегка шевелились на ветру, если он тут вообще был. Одета она была в простую белую футболку и короткие шорты цвета хаки. На загорелых ногах были лёгкие пляжные шлёпки с потёртой перемычкой между пальцев. Песок набился под стопы и сыпался при каждом шаге. Лицо было бледным, усталым, с мелкими морщинами у глаз.

— Ты кто? — спросил Женя. Его голос прозвучал хрипло, как у курильщика, хотя он не курил уже пять лет.

— Анна, — девушка подошла ближе, и он заметил, что она не оставляет следов. Вообще никаких. Песок под её шлёпками оставался девственно ровным, словно Анна парила в миллиметре от поверхности. — А тебя как?

— Женя.

— Ну, пошли, Женя.

— Куда?

— Вперёд.

— Куда именно? — начал осматриваться Женя. — И вообще, где мы находимся? Как я сюда попал?

— Ой, одни и те же вопросы. Пошли, по дороге всё объясню. Ну, чего знаю.

Женя растерянно моргнул. Вокруг по-прежнему не было ничего, и тишина стояла такая, что слышно было, как в ушах переливается кровь. Он вдруг подумал о дочке. Как утром Лена не хотела отпускать его на работу, повисла на шее, кричала «папа, не уходи», и он отцепил её силой, потому что опаздывал. Обычно Женя опаздывал каждое утро, и каждое утро дочка плакала. Он всегда успокаивал себя: «Вот в выходные посижу с ней, пойдём в парк, купим мороженое». Но в выходные, как всегда, находилась тысяча дел. То замена резины на машине, то отчёт, который не дописал в пятницу. А Лена играла одна в своей комнате с куклами, разговаривая с ними голосами взрослых.

— Я никуда не пойду пока ты мне не ответишь на вопрос. Где мы находимся? — спросил он.

Анна посмотрела на горизонт, которого не было. Потом села на корточки, подняла плоский камешек и принялась вертеть его в руках. Камешек был гладкий, как морская галька.

— В зале ожидания, — негромко произнесла она. — Только сидеть и ждать в нём нельзя.

— В каком ещё зале? Я ехал домой. Я был в машине. Где мои вещи? Где телефон? Это всё сон? Я уснул? Да? — Женья сильно ущипнул себя за руку и тут же почувствовал сильную боль. — Ай! Нет, это не сон. Чёрт, это как в самом плохом фильме, что я видел.

Анна отбросила камешек в сторону. Он упал в песок, не издав ни звука.

— Согласна, — сказала она. — Но другого сценария у меня нет. Идём.

Они пошли. Женья пытался подстроиться под её шаг, но походка у неё была странная. Она словно плыла по песку.

— Слушай, — сказала Анна, не глядя на него. — А какой сейчас год?

— Две тысячи двадцать пятый. Лето.

Она замедлила шаг, будто споткнулась о что-то невидимое.

— Шестнадцать, — сказала она тихо, почти себе.

— Что шестнадцать?

— Ничего. Считаю. Идём.

Слева от них что-то блеснуло. Далеко, у самого неба. Женья обернулся — блеска уже не было. Только смутное движение, как если бы кто-то смотрел на них из-за стекла, запотевшего изнутри.

— Не оглядывайся, — не поворачивая головы, сказала Анна.

— Что это было?

— Ничего. Иди.

Женья почувствовал, как по позвоночнику пробежал холод. Анна шагала рядом, и он вдруг заметил, что она идёт чуть быстрее, и всё время держится ближе к нему, как будто прикрывая собой.

— Расскажи, как ты попал сюда, — нарушила молчание. — Что помнишь?

Женья вздохнул и попытался вспомнить. В голове всплывали обрывки. Вечер, мокрый асфальт, он выруливает с парковки офиса. Навигатор предложил объезд пробки по просёлку за МКАДом. Жена позвонила в шесть пятнадцать, спросила, купил ли он хлеб. А он не купил.

«Ладно, — сказала жена. — Я побежала, у Лены температура». Дочка часто болела: садик — это вечный насморк, вечная температура. Он подумал, что надо купить цветы. И тут же забыл. Потом заехал на заправку, залил полный бак и взял двойной эспрессо.

— Я торопился домой, — сказал Женья вслух. — Обычный день. Дождь начинался. Асфальт блестел. стакан с кофе поехал по панели, я потянулся его поймать. Всего на секунду. А дальше — пустота.

— Понятно, — быстро сказала Анна. — Как же всё банально у тебя было.

Воздух справа от них вздрогнул. Из пустоты серебристый седан, «Киа Рио». За рулём сидел человек в сером пиджаке. Лица не разглядеть — слишком всё было размыто. Но Женья знал, что это он сидит за рулём. Машина неслась по пустыне. Не было ни звука мотора, ни шума шин. Всё происходило как в немом фильме.

А потом из ниоткуда выбежала кошка. Рыжая, худая, с оборванным левым ухом. Она неторопливо переходила дорогу. Эта гадина даже не взглянула на фары. Она просто шла, куда шла, и ей было плевать на всё вокруг.

Женья за рулём дёрнул баранку влево. Машина вильнула, заскользила боком, и прямо перед капотом вырос вяз. Не берёза, как ему помнилось, а корявый старый вяз, какие стоят вдоль просёлков в Тверской области, где он провёл детство у бабушки. В один миг дерево вынырнуло из песка, пустило корни, расправило кривые сучья и приняло удар.

Женья — тот, за рулём, — не был пристёгнут. Он никогда не пристёгивался, если ездил по городу. Глупая привычка, о которой жена говорила ему тысячу раз: «Пристегнись, милый, это

же пара секунд». «Да нормально, я аккуратно». Он вылетел в лобовое стекло, как пробка из бутылки шампанского, пробил его головой и повис в воздухе на бесконечную секунду — как тряпичная кукла. Потом рухнул на песок в десяти шагах от машины. Окровавленный, скрюченный, с неестественно вывернутой левой ногой, но почему-то ещё шевелящий пальцами.

Женя стоял в двух метрах и смотрел на это. Воздух застрял в горле, как песок. Он смотрел на себя, лежащего на земле, на пальцы, которые пытались что-то нацарапать. Он не заметил, как песок под ногами стал вязким и медленно пополз вверх, к щиколоткам.

Анна схватила его холодными пальцами за руку.

— Не смотри! — Она говорила быстро, сквозь зубы.

— Но это же я... — еле выдавил из себя Женя. — Я точно помню берёзу.

— Да очнись же ты, наконец!

Она рванула его на себя, и ноги вышли из песка с влажным чавкающим звуком. Но Женя всё равно не мог отвести глаз. Он смотрел, как лежащий на песке человек перестаёт шевелиться. Сначала замерли пальцы. Потом один раз дёрнулась щека. Потом глаза закатились, и стали видны одни белки с лопнувшими капиллярами.

Машина растворилась первой, медленно, как облако пара над чашкой чая. Потом дерево ушло обратно в песок. Кошка, которая сидела в стороне и умывалась лапой, тоже пропала.

В пустыне снова стало пусто. Но когда Женя наконец смог повернуть голову, он увидел то, чего не заметил раньше. Далеко позади, на самой границе неба и песка, виднелось маленькое тёмное пятно размером с ладонь. Оно не двигалось, но казалось, что оно смотрит.

— Что это? — прошептал он.

— То, что идёт следом за нами, — ответила Анна. — И чем дольше ты стоишь, тем оно гуще. Быстро уходим отсюда.

Они шли долго. Часы на запястье не двигались: десять минут пятого, десять минут пятого. Женя то и дело ловил себя на том, что косится назад, но пятно на горизонте больше не появлялось. Осталось только ощущение.

— Шестнадцать, — вспомнил Женя. — Ты говорила «шестнадцать». Что ты считала?

Анна промолчала. Некоторое время слышался только хруст песка под его ботинками. Её шлёпки не издавали ни звука.

— Я умерла в две тысячи девятом, — наконец произнесла она. — Летом.

Женя остановился. Анна тоже, но тут же дёрнула его за рукав.

— Шагай. Я расскажу на ходу.

— То есть ты мертва. И всё это время молчала.

— Ну, не мертва в том смысле, в котором ты подумал, просто в коме лежу всё это время.

— А как ты сюда попала? Что случилось с тобой?

— У меня тоже банальная история, как и у тебя, — начала девушка. — Двадцать девять лет жила в Туле, работала менеджером по туризму. Не замужем. Кошатница. Была дома, мыла посуду после ужина. Кошка крутилась под ногами, мяукала, просила вкусняшку. Я выключила воду, вытерла руки и пошла к шкафу, где лежали коробки с кормом. И наступила на мокрое пятно.

Она запнулась, провела ладонью по лицу.

— Нога поехала вперёд. Я дёрнулась, схватилась за столешницу, но рука скользнула. Вероятно, я затылком об угол тумбочки. Кошка — в сторону. Я сюда.

— И всё? — спросил Женя.

— И всё. Проснулась здесь. В шлёпках и футболке, как была.

— И что ты тут всё это время делаешь?

Анна вздохнула.

— Я проводник. Здесь, в зале, есть такие люди. Не только я, нас много, но встречаемся мы редко. Наша задача — довести людей до конца. Тех, кто сюда попал. Не умерших и не живых, а тех, кто застрял между. Через пустыню, до разлома.

— До какого разлома?

— Ну, это как бы порталы. Один ведёт в ад, другой — в рай, третий — обратно. Какой откроется, никто не знает. Ни я, ни те, кого я вела. Решают не здесь.

— Вернуться? — Женя ухватился за это. — Значит, я не умер?

— Нет. Все, кто тут находятся, ещё живы. Твоё тело где-то лежит, — мягко сказала Анна.

— Скорее всего в реанимации. Иначе тебя бы тут не было...

Женя шагал молча. В голове было пусто, как в пустой банке. Потом он спросил:

— А долго нам идти? Где находятся эти твои порталы?

— Конкретного места нет, — ответила Анна. — Они сами появляются, когда придёт твоё время.

— Тогда зачем нам куда-то идти? Нужно остаться и ждать, когда он появится.

Она посмотрела на него, как на дурака.

— Место это пытается оставить людей себе. Точнее, их души. Оно показывает то, что тебе дорого, или то, о чём ты жалеешь. Ты видел это уже. Тех, кто остаётся, ты скоро увидишь. А душа, которая осталась здесь, потом никуда не попадёт. Ни в рай, ни в ад, ни назад. Покоя ей тоже не будет. Никогда.

— Но ты же тут уже шестнадцать лет ходишь. Не надоело? — кивнул Женя. — А сколько мне ходить тут?

— Не знаю, — ответила девушка. — У каждого своё время. И поверь мне, сдаваться я тебе не рекомендую.

— А что это за фигня была? Ну, то тёмное пятно.

— Не знаю. Я замечаю его всё чаще. Оно растёт, когда кто-то задерживается. Сгущается, когда ты смотришь на видения. Когда оно догонит, лучше этого не видеть.

— Так может это и есть портал обратно на землю? Не задумывалась об этом? — Женя остановился.

— Чего встал? Пошли давай! — посмотрела на него девушка и подошла.

— Ты врала мне! Ты ничего про этот мир не знаешь. Сама тут бродишь уже шестнадцать лет. Придумала себе, что проводник какой-то. Ты сама уже с катушек слетела. Ты посмотри на себя! Кто тебе сказал, что ты проводник?

— Ну чего ты встал, как маленькое дитя? Пошли, я тебе сейчас постараюсь всё рассказать, что знаю.

Женя смотрел на неё и снова зашагал вперёд.

— Отвечаю на вопрос про проводника. Когда я тут очнулась, рядом со мной стоял мужик, лысый такой в плаще и весь белый. Так вот, он мне и передал документ, в котором говорилось, что я теперь проводник. Путеводитель, или как сейчас говорят там у вас? Он же мне показал дорогу и велел запомнить её. Что за тёмное пятно — я реально не знаю. Знаю только со слов других проводников, с которыми иногда встречалась, что это не что иное, как душа этого места, и когда ты останавливаешься на миражах, которые оно показывает, она тобой питается. А портал на Землю я видела, он белого цвета.

— А почему ты мне сразу не сказала всю правду?

— Хорошо, давай подумаем, — она пожала плечами. — Что бы ты сделал, когда очнулся, и я тебе такая: «Привет, я Анна и я проводник. Пошли отсюда, стоять и сидеть нельзя».

— Да. Посчитал тебя чокнутой. А родные у тебя кто есть? — спросил он.

Анна вздрогнула.

— Мама в Пензе, — девушка на несколько секунд замолчала, потом продолжила. — Обиделась на меня в тот месяц, что я редко звонила. Я думала, успею. Всегда думаешь, что успеешь. А потом просыпаешься здесь.

— Ты её не встречала, значит, она ещё жива?

— Ты думаешь, она попала бы ко мне? Да и это так не работает. Те кто сразу умирают, попадают в чистилище, в место распределения душ. А у нас тут, как я тебе уже говорила, своеобразный зал ожидания.

— Ясно.

— А ты? — спросила Анна. — Что у тебя в списке?

— В каком списке? — переспросил Женья.

— У каждого есть список того, что не успел, о чём жалеешь. Оно этим и пользуется.

Женья усмехнулся и сам удивился, как горько это вышло.

— Отчёты. Замена резины. Выходные, которых не было. Всё как у обычных людей.

— Обычный список, — кивнула Анна. — Теперь знаем, чего можно ожидать от этого места.

— Тебе легко говорить.

— Легко? — удивилась девушка. — Ты не знаешь, чего я насмотрелась за это время. На какие только ухищрения он идёт.

Они шли. Небо стало чуть темнее, как будто где-то далеко зажгли лампу и накрыли её плотной шторой.

Слева потянуло теплом. Женья начал принюхиваться, даже не сразу понял, чем пахло. Потом узнал: это был запах свежей выпечки. Так пахло в квартире, когда Оля пекла шарлотку.

— Ты чего? Что-то услышал? — увидев, как Женья оглядывается, спросила Анна. — Не смотри! Женья, не смотри!

Но он уже слушал. Прямо из песка, метрах в десяти, вырос желтый прямоугольник света. Это была их кухня с дурацкими занавесками в подсолнухах, оранжевыми обоями и синим чайником. За столом в пижаме с медведями сидела Лена и что-то рисовала. Рядом, на подоконнике, лежал недописанный отчёт. Всё было так, как бывало вечерами, когда он приходил вовремя. Но их, к сожалению, было мало.

— Пап! — Лена подняла голову. — Иди сюда! Я тебя нарисовала!

— Женья, — Анна вцепилась в его рукав. — Это не она.

— Лена, — сказал он вслух. Голос дрогнул. — Ты почему не спишь?

— Тебя жду, — ответила дочка и улыбнулась. Так, как она улыбалась только по утрам. — Мама! Папа пришёл!

В дверях появилась жена в домашнем халате и с полотенцем через плечо. Она была такой красивой, какой он давно не видел её, потому что всегда опаздывал, и заставлял её в основном спать.

— Ужин остыл, — произнесла Оля. — Проголодался? Садись, я сейчас разогрею.

Женья сделал шаг, потом второй. Песок под ногами загудел, как рой пчёл, и пополз вверх, к коленям.

— Я... я в выходные хотел... — затараторил он, словно боялся, что они скоро исчезнут. — Пойдём сегодня в парк. Я ведь давно это обещал. Купим Лене мороженое.

— Не надо мороженого, — сказала Лена и склонила голову набок. — Оставайся, пап, с нами. Тут хорошо. Мы всегда теперь сможем быть вместе.

У Жени внутри что-то оборвалось. Он взглянул на Анну. Она была бледна, губы сжаты в тонкую линию, взгляд устремлён куда-то вдаль, за пределы кухни.

Он тоже устремил взгляд вверх. Тёмное пятно больше не было пятном. Оно превратилось в ровную стену, от земли до неба. Оно медленно двигалось и тихо шелестело, будто по песку тянули мокрую ткань.

— Оно слышит, когда ты разговариваешь с видениями, — сказала Анна, не двигая губами. — Пожалуйста, пошли отсюда.

— Пап, — позвала Лена. В голосе появилась нотка, которой раньше не было. — Ты же не уйдёшь? Ты будешь с нами?

Анна ударила его по лицу. Женя даже не почувствовал боли, но песок вдруг отпустил его ноги, и кухня погасла, как экран телевизора, — с тихим щелчком.

— Не смей, — тяжело дыша, сказала Анна. — Ты понимаешь, что они не настоящие? Это всего лишь мираж. Настоящая твоя семья там, на Земле.

— Что значит «не настоящие»? Я же их видел. Они вот тут были, — оглядывался Женя.

— Это место так и работает. Я же объясняла тебе.

Стена шелестела за их спинами. Женя шёл, стараясь не оглядываться. Он боялся, что если снова обернётся и увидит Лену, то уже не сможет уйти.

Вскоре вдоль дороги начали попадаться люди. Сначала Женя принял их за камни. Потом заметил, что камни двигаются. Мужчина в мятой рубашке стоял, склонившись, и тянул из-за плеча невидимый ремень. Тянул, защёлкивал, отпускал, снова тянул. Губы шептали: «Сейчас... сейчас... сейчас...». Женщина неподалёку сидела на корточках и без остановки мыла руки в воздухе. Кожа на ладонях стёрлась до красноты. Чуть дальше мальчик лет десяти складывал из песка башню. Башня падала. Он складывал снова.

— Не смотри им в глаза, — шёпотом сказала Анна. — И не говори с ними.

— А что с ними? — спросил Женя.

— Это они не послушались меня и остались сидеть в мираже. Так что, если бы и ты не пошёл, то был бы таким же.

Когда они проходили мимо женщины, та вдруг подняла голову. Глаза у неё были мутные, как у рыбы. Она посмотрела на Женю так, будто узнала.

Она схватила его за руку. Хватка оказалась такой сильной, что Женя вскрикнул. Анна отпихнула женщину, ударила её по запястью, и та отёрнулась, обиженно моргая.

— Я же сказала: не разговаривай с ними! — выдохнула Анна.

— Я не разговаривал!

— Ну и не подходи. Идём дальше.

Женя потёр запястье. На нём остались красные следы пальцев, которые медленно бледнели.

Через какое-то время впереди показались двое. Высокий мужчина в сером плаще вёл под руку старушку в вязаной кофте. Старушка шла мелкими шажками и всё время что-то говорила, а он слушал и кивал.

Проходя мимо, мужчина повернул голову и встретился с Анной глазами. Они не сказали ни слова. Он только чуть заметно кивнул.

— Тоже проводник? — спросил Женя, когда они отошли.

— Да. Мы иногда пересекаемся с ним, но ни разу не разговаривали, — улыбнулась девушка.

— Ни разу?

— Ни разу, — кивнула Анна. — Говорят, он вообще мало разговаривает, наверное, чтобы не сбиться с пути.

Старушка позади них вдруг рассмеялась тихим счастливым смехом, и смех этот долго висел в воздухе, пока не растаял.

— А они разве не туда идут, куда и мы? — спросил Женя.

— Нет, — ответила Анна. — У нас у каждого проводника свой маршрут, и когда мы пересекаемся, то не раскрываем его.

Вскоре слева показалась детская. Синие обои со звёздами, кровать с бортиком, ночник в форме луны. Лена сидела в кровати и держала на коленях большую книжку.

— Пап, — сказала она. — Дочитаешь сказку? Ты вчера не дочитал.

Женя дёрнулся к ней и остановился.

— Это оно, — сказала Анна. — Знаю, что больно. Но это оно.

— Я только страницу, — отстраненно произнёс Женя. — Одну страницу. Ей же надо...

— Женя, нет.

— Одну.

Он, словно замороженный, подошёл к кровати и сел на край. Взял книжку. Сказка была про зайца, который искал свой дом. Женя читал, и слова ложились ровно, знакомо: «И побежал заяц через лес, и увидел...». Он перевернул страницу. Там стояли те же строчки. «И побежал заяц через лес, и увидел...». Он снова перевернул. То же самое.

Песок пополз по щиколоткам, потом выше. Лена смотрела на него доверчиво и не моргала.

— Ты же дочитаешь? — спросила дочка.

— Дочитаю, — сказал Женя чужим голосом. — Только страницу перелистну...

Стена за спиной зашуршала громче. Что-то чёрное вползло на край кровати, лизнуло одеяло и оставило на нём тёмное пятно.

Анна выхватила книжку у него из рук и швырнула в сторону. Комната треснула, звёзды на обоях посыпались вниз мелкой шелухой.

— Она никогда не закончится! — крикнула Анна. — Понимаешь? Эта страница никогда не закончится. Ты будешь читать её вечно!

Женя стоял, тяжело дыша. Руки у него дрожали.

— Я хочу дочитать, — сказал он. — Лена ждёт меня.

— Тогда пошли, — сказала Анна. — Да, дочка тебя ждёт. Ждёт, когда ты дочитаешь ей книжку.

— Дочитаю, она меня ждёт, — повторял Женя.

Они шли уже, казалось, целую вечность. Женя устал так, как не уставал никогда, хотя тело не болело. Устала сама мысль. Ноги двигались по привычке, как заведённые, а в голове звучало только одно слово: «Иди. Иди. Иди».

— А много ты людей уже провела по этому пути? — спросил Женя, пытаясь отвлечься от мыслей о дочери.

— Насчитала тысячу триста, а потом сбилась. Ну его. Какая разница, сколько я проведу по этому маршруту? Но одно знаю точно: ты последний.

Женя остановился, потом вспомнил и пошёл дальше.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю. Как знаю дорогу, — девушка усмехнулась. — Странное чувство, когда ты шестнадцать лет ведёшь людей и вдруг понимаешь, что этот — последний.

— А что потом?

— Не знаю. — Впервые в её голосе появилось что-то похожее на страх. — Может, отпустят. Может, просто закончится всё. Может, разлом откроется и для меня. А может, я останусь тут, как те, у дороги. Мне никто не объяснял.

— Тебе не страшно?

— Страшно. Но что тут можно поделать? Да я уже давно смирилась с этим.

Женя замолчал. Он вдруг увидел её не как усталую попутчицу, а как человека, который шестнадцать лет ходил по этой пустыне в домашних шлёпках и с открытым вопросом: зачем? И вот теперь, на самом последнем шаге, она боялась не меньше его.

— Слушай, — сказал он. — А фамилия у тебя есть?

— Что?

— Фамилия. Ты же из Тулы. Давай говори, я запомню.

Анна странно посмотрела на него.

— Веселова, — ответила девушка. — Анна Веселова.

— Веселова, — повторил Женя. — Тула. Мать в Пензе. Называй адрес — и свой, и мамы.

— Зачем?

— Надо.

Она хотела что-то ответить, но не успела. Воздух впереди задрожал, и из него, как из стенки аквариума, выплыла знакомая фигура. Игорь Петрович, начальник отдела, в вечном своём галстуке с крошечными якорями. Он развёл руками и заговорил, не открывая рта, будто голос шёл из динамика:

— Женя, дорогой! Отчёт готов? Мы тут решили, что ты незаменим. Премия, повышение, отдельный кабинет — всё будет, только останься. Ещё на пару часов.

Женя посмотрел на него, потом на Анну и вдруг фыркнул. Потом засмеялся, и на глазах выступили слезы.

— Что смешного? — спросила Анна.

— Они предлагают мне остаться на работе. — Он вытер глаза. — Даже здесь. Даже на том свете. Отчёт.

Игорь Петрович обиженно моргнул и растворился, недоговорив. Тёмная стена за спинами дёрнулась, будто её толкнули, и шелест на секунду затих.

— Смех, — задумчиво сказала Анна. — Надо запомнить. Я такого ещё не видела.

— Просто оно плохо знает людей, — ответил Женя. — Меня этим не удержишь.

Но тут же замолчал. Потому что понял: удержит его не отчёт. Удержит то, что он любит. И следующее видение будет именно про это.

Женя услышал шаги. Множество шагов. Из песка поднимались тени: коридор с зелёными стенами, запах хлорки, чей-то кашель. Настоящая больница, как ему казалось. Он увидел койку, на койке — себя. Лицо серое, трубка во рту, провода. Рядом в мятом свитере и с красными глазами стояла Оля. Она держала его за руку.

— Женя, — говорила жена. — Я здесь. Я с тобой.

— Оля! — Он бросился вперёд. — Оля, я тут! Ты меня слышишь?

— Я знаю, — сказала жена. — Ты нас не оставишь. Мы всегда будем вместе и переживём все невзгоды. Мы справимся вместе. Лена уже спит, она устала, но тоже ждёт. Ты только останься с нами.

Он замер. Что-то было не так, но что?

— Оля, — медленно произнёс он. — А что ты мне сказала вчера утром? Когда я уходил.

— Ты знаешь, — улыбнулась жена. — Ты же помнишь?

— Что ты сказала? — повторил Женя. — Повтори мне сейчас.

— Береги себя, — мгновенно ответила Ольга.

— Ты сказала: «Купи хлеба, не забудь», — прошептал Женя. — Ты тогда не говорила «береги себя». Я этот день чётко помню.

Больничная палата хрустнула, как стекло, и осыпалась. Оля осталась стоять, но лицо её поплыло, глаза стали пустыми, рот — чёрным, и оттуда вместо слов выпал тихий шелест.

— Бежим! — крикнула Анна.

Они побежали. Песок хватал за лодыжки, выскакивая из-под ног, как живой. Стена шелестела прямо за спиной. Женя чувствовал её всей кожей, чувствовал холод, который тянулся к затылку, к шее, к рёбрам. Он не оглядывался. Он думал только о том, что в спину дышит нечто, для которого он уже не человек, а добыча.

Женя не сразу понял, что рядом никого нет.

Он остановился и осмотрелся. Анна лежала на песке в шести шагах от него. Она упала. Шлёпка слетела с ноги, лодыжку обвила тонкая чёрная лента и тянула её к стене. Анна молча царапала песок ногтями и смотрела на Женю огромными глазами.

— Беги, — крикнула девушка. — Не смей стоять. Беги!

Женя вернулся, схватил её за руку и дёрнул. Лента лопнула с сухим треском.

— Дурак, — выдохнула Анна, но пальцы вцепились в его ладонь.

— Как я мог тебя бросить? — улыбнулся Женя.

Девушка нервно и судорожно засмеялась.

Дальше они шли, держась за руки. Стена шелестела за их спинами уже без всякой злости — как будто просто наблюдала за ними и ждала. Небо впереди светлело.

Песок под ногами становился плотнее, будто чем ближе к цели, тем твёрже была земля. Женя вдруг заметил, что перестал уставать. Или устал настолько, что уже не чувствовал этого. И тогда Женя услышал.

Голос шёл не из песка и не с неба. Он шёл откуда-то изнутри, из самой глубины, где живут воспоминания. Доносился тонкий, детский голос.

— Папа... Пап, ты меня слышишь? Проснись. Я соскучилась по тебе!

Женя замер.

— Лена! — закричал он. — Лена, я тебя слышу!

Голос продолжал звучать ровно, будто дочь читала вслух что-то заученное, боясь остановиться.

— Папа, я нарисовала тебе рисунок. Мама сказала, что ты скоро проснёшься. Ты нам очень нужен. Мама пообещала, что когда ты проснёшься, мы втроём пойдём в зоопарк.

Женя открыл рот. Он хотел спросить: «Какой рисунок?» Хотел сказать: «Я тебя люблю». Хотел закричать. Но не стал.

Он просто стоял и слушал, как дочь говорит в пустоту. Слёзы текли по лицу и падали в песок, не оставляя следа.

— Это она, — наконец произнёс он. — Настоящая.

— Да, — тихо ответила Анна. — Значит, мы рядом.

Свет впереди стал белым, как молоко. В нём не было ни тени, ни очертаний, только ощущение, что там что-то есть и оно ждёт. Какой разлом открылся, Женя не мог понять. Он не видел ни огня, ни синевы, ни чёрной пропасти. Только яркое белое пятно.

— Это оно? — спросил он. — А который из них?

— Не знаю, — ответила Анна. — Какой разлом открылся, не узнаешь, пока не подойдёшь к нему.

— Тогда пойдём вместе.

— Мне нельзя. Я всего лишь провожаю человека до момента, пока не появится разлом. Я дальше — ты сам.

— А если там ад? — спросил Женя.

— Значит, ад, — спокойно ответила Анна. — Но это в любом случае будет лучше, чем «остаться». Я видела людей, которые шли в неизвестность и плакали от счастья, потому что боялись остаться здесь.

— Они тоже не знали, куда идут?

— Конечно, нет.

Они стояли перед светом. Голос дочери звучал всё громче. К нему присоединился ещё один — голос жены. Она говорила быстро и сбивчиво, упоминая врачей, давление и то, что они его ждут. Слов Женя уже не разбирал, но слышал главное: они его ждут.

— Аня, ты адрес не сказала, — оживился он.

— Тебе он точно нужен? — заволновалась девушка. — Я не знаю, что ты задумал, но я буду думать об этом и переживать.

— Я найду твою маму и передам ей твои слова. Что ты...

— Скажи, что я собиралась позвонить, — перебила Анна. — Просто передай это.

— Хорошо.

Девушка притянула к себе Женю и обняла.

— Иди, — сказала она в плечо. — Пожалуйста. Не стой.
Женя шагнул в свет.

В последнюю секунду он оглянулся. Анна стояла у самого края и махала рукой. Небо позади неё стало серым, стена шелестела совсем близко. Но лицо девушки было спокойным. Она улыбалась. И, кажется, впервые за шестнадцать лет не знала, что будет дальше, и всё равно не боялась.

Потом свет накрыл его целиком.

Сначала Женя услышал ровный писклявый звук. Потом почувствовал запах лекарств. За ним пришла боль. Он впервые за последнее время обрадовался ей.

Когда открыл глаза, то первое, что увидел — это был белый потолок. Над кроватью висел монитор с зелёной линией, которая прыгала в такт сердцу. Кто-то крепко сжимал его руку.

— Папа, — раздался тонкий детский голос. — Папа, ты проснулся? Мама, папа проснулся!

Женя повернул голову. На стуле рядом с ним сидела дочка, растрёпанными волосами. В углу, на стареньком кресле, дремала Оля. Услышав дочку, она мгновенно открыла глаза.

— Я вернулся, — прохрипел он. — Я тут. Слышите меня?

— Слышу, — закивала Лена и уткнулась ему в плечо. — Я тебя рисовала. Хочешь посмотреть?

— Хочу, — сказал он. — Конечно, хочу.

Рисунок был на обороте больничного бланка. Большой человек с длинными руками держал за руку маленькую девочку. А чуть впереди шла ещё одна фигурка, тонкая, в белой футболке, и Женя не сразу понял, что на ногах у неё нарисованы шлёпки.

— Это кто? — спросил он.

— Тётя, которая тебя вела, — сказала Лена так просто, будто речь шла о воспитательнице. — Она мне приснилась и сказала, что ты скоро к нам вернёшься.

Потом пришли врачи, светили в глаза фонариком, задавали вопросы, на которые он пытался ответить, стараясь не сбиваться. Кто-то воскликнул: «Чудо!». Кто-то отметил: «Трое суток в коме». Женя кивал, осознавал каждое событие, которое с ним произошло.

Когда все ушли и остались только Оля с дочкой, она тихо сказала:

— Ты всё время что-то шептал. Врачи говорили, что это бред.

— Это не бред был, — произнёс Женя.

— Они сказали, что это хорошо.

Он замолчал и через несколько минут попросил:

— Дай ручку и бумагу.

— Вот есть, правда...

— Спасибо! — оборвал её Женя.

Он выхватил бумагу и вывел неровными буквами: «Анна Веселова. Тула, проспект Ленина, 67/23. Мать в Пензе, Энгельса, 51/18». Откуда он это знал — не помнил. Анна вроде не говорила адреса, не успела, но это всё витало у него в голове.

— Что это? — не поняла Оля.

— Обещание, — сказал он. — Потом расскажу, а пока это нужно не потерять.

Он посмотрел на запястье. Часы показывали десять минут пятого. Но пока он смотрел, секундная стрелка дрогнула и пошла.

— Оля, — сказал Женя. — Когда выпишусь, то сразу мы с Леной пойдём в парк. Я обещал.

Оля улыбнулась сквозь слёзы. Лена, прикорнувшая рядом на стуле, завозилась во сне и пробормотала что-то про мороженое. Женя в этот момент подумал, что теперь точно успеет.

В Пензу Женя приехал в октябре, когда выписался, окреп и научился ходить без палки. Адрес он нашёл без проблем: пятиэтажка, третий подъезд, дверь, обитая коричневым дерматином.

Ему открыла маленькая седая женщина в очках. Она смотрела на него с настороженной вежливостью.

— Вы Веселова? Вера Николаевна? — спросил Женя.

— Да.

— Я насчёт Анны. Вашей дочери, — он почувствовал, как сжимается горло. — Она просила передать... Она собиралась вам позвонить.

Женщина молчала. Она долго стояла, вцепившись пальцами в дверь. Потом тихо спросила:

— Спасибо! А вы откуда знаете?

— Она мне приснилась и просила передать, что позвонила бы вам, — сказал Женя. — Просто не успела.

Вера Николаевна кивнула и отступила от двери, пропуская гостя.

— Проходите, — сказала она. — Я чай поставлю. У меня правда к чаю ничего нет. Просто ко мне в гости никто давно не приходил.

На подоконнике в кухне стояла фотография в рамке. Молодая женщина в лёгком платье смеялась в камеру, а у ног её сидела рыжая кошка с оборванным левым ухом.

Женя не стал ничего спрашивать. Он сел за стол и стал ждать, пока закипит чайник.

Погасла вторая свеча...

«На шее — следы пальцев. Его пальцев. Багрово-синие. И почему-то ей показалось: они светятся серебром».

*Серебряные слёзы
Мэри Стейн*

Что такое память?

То, что нельзя потрогать. То, что нельзя похоронить. То, что остаётся, когда всё остальное сгорает. Даже если ты забыл, кто ты. Даже если ты забыл, зачем живёшь.

Что такое смерть?

Последний физический акт. Тело остывает. Дом пустеет. Надежда гаснет. Но не последний духовный. Потому что после неё остаётся то, что не горит в крематории и не гниёт в земле. То, что продолжает дышать, когда ты уже не дышишь.

Память не может существовать без смерти. Смерть не может существовать без памяти. А между ними — третье.

Судьба.

Её никто не видит. Но иногда она ведёт. И правильно ли ты идёшь — она скажет. Позже. Когда будет уже поздно.

Пролог.

Свеча горела.

Каждый год. В один и тот же день. В одно и то же время. На столе, рядом с его портретом.

Это был её ритуал. Не потому что так нужно. А потому что вопреки всему — она не могла иначе.

Она сидела в темноте. Свет — только от свечи. Она не плакала. Уже нет. Выплакала всё. Даже то, что не помнила.

Сегодня она сказала лишь одно:

— Я хочу забыть тебя.

Она думала об этом. Каждый день. Но никогда не произносила. Не могла. А сегодня — решилась. И ей показалось, что стало легче.

Но у каждого слова есть цена.

Она узнает об этом.

Свеча догорит. Портрет останется. А он — вернётся.

Акт 1.

Это было пять лет назад.

Она выходила с работы. Ливень хлестал по асфальту. Зонтика не было. Она решила испытать удачу — подбежала к бордюру и начала ловить такси.

Никто не останавливался. Волосы намокли. Блузка прилипла к телу. Чёрный пиджак едва спасал. Тушь потекла. Она начала злиться. Посмотрела на остановку. Люди забивались в автобус. Как рыба в сети.

Она фыркнула. Повернулась к дороге. И машина, проезжавшая мимо, окатила её из лужи.

Она стояла. Мокрая. Грязная. Злая.

Рядом притормозила машина. Резко, но уверенно. Вышел мужчина. Снял пальто. Накинул ей на плечи.

— Вы простудитесь. Я вас отвезу. Куда скажете.

Она посмотрела на него. Дрожащим голосом:

— Спасибо.

— Садитесь быстрее, — он открыл дверь.

Они сели. Он включил печку. Достал из бардачка салфетки. Протянул ей.

— У меня есть чистые носки. Снимите туфли. Тут рядом кафе — я принесу вам горячий чай.

— Носки? Чай? Вы принц из сказки? — спросила она.

— Нет. Я просто человек, — он улыбнулся.

Она растерялась. Никто и никогда не говорил с ней так. Ей казалось — это сказка.

Она кивнула. Носки были надеты. Чай — в руках. Адрес — назван. Он вёз её.

Всю дорогу они говорили. О работе. О путешествиях. Она смеялась над его историями. Особенно над одной. Он вызвал такси. Сел. А таксист оказался глухонемым. И привёз его на другой конец города. Просто потому что он сел не в то такси. Номера совпадали. Кроме одной буквы. А счёт вышел как за ужин в элитном ресторане.

Он довёз её до дома. Проводил до двери.

На следующий день он ждал её у подъезда. С кофе. И с улыбкой, словно луч солнца.

— Мне показалось, вам понравились мои истории. Решил, что ваше утро должно начинаться с улыбки, — сказал он.

Она засмеялась.

Так началась их история.

Каждый день с утра он встречал её у дома и отвозил на работу. Забирал вечером. Они ходили по ресторанам, в кино, в театр. Он показал ей особые места, которые знал только он. Холм за городом, откуда видно было весь город. Ночью они сидели, смотрели на миллионы огоньков и пили чай.

Они съехались через месяц.

А через два он сделал ей предложение. На том самом холме, под салют, который сам устроил.

Свадьбу сыграли в близком кругу. Эни — или Эн, её все называли по-разному, её подруга, которая была свидетельницей. Родители с двух сторон. Утром была церковь, её отец вёл к алтарю. Вечером — ресторан.

После они улетели отдыхать. В Италию. Ели пиццу. Круассаны. Встречали рассветы и провожали закаты. Они были счастливы. Она думала, что попала в сказку. Она просто не верила, что ей могло так повезти в жизни.

Они купили квартиру. Обставляли её по-своему. И кресло. Он захотел большое мягкое кресло. Читать по вечерам. Он любил читать. Как и она. У них был большой книжный шкаф.

Иногда они ругались.

Он мог забыть вымыть за собой посуду. Или просто вымыть тарелки, а ложки оставались в раковине. Она не понимала этого.

— Устал, завтра вымою, — говорил он.

Она шла домывала.

Ей нужен был порядок. Везде. И всегда. Он мог кинуть худи после пробежки на диван и убрать через день.

— Расслабься. Не всегда должно быть идеально. Иногда хаос — это и есть порядок, — говорил он, целуя её.

А потом он умер.

Она не помнила день похорон. Не помнила сам тот день. Помнила лишь чёрные одежды и белые пионы на его могиле. Свои слёзы. И слёзы его матери и отца, которые рвали душу.

Потом были бесконечные мокрые подушки. Литры вина. Пока Эни не взяла её за руку и не отвезла к психотерапевту.

Таблетки. Чёртовы антидепрессанты. Которые глушили восприятие мира. И всё казалось ра-дужным. Как в сказке.

Три раза она начинала пить. И три раза бросала. Замкнутый круг. С ними было хорошо. Но она была ментально заблокирована для настоящих эмоций. Без них — рыдала.

Она затушила свечу. Легла спать. Как обычно. На протяжении трёх лет. Без него. Но с ним.

Она знала, что он придёт. Что он будет сидеть в том кресле. Что он будет её обнимать. Цело-вать. Говорить: «Я люблю тебя, Элис. Всегда».

Сон начался как обычно. Море. Закат. Запах соли. Они идут, держась за руки. Картинки менялись, как в кино.

И опять кресло. То самое. В углу комнаты. Он любил там сидеть по вечерам. Читать книги. Иногда вслух. Иногда — сосредоточенно.

Но сегодня он сидел и смотрел прямо на неё. Не улыбался. Молчал.

Она готовила ужин. Повернулась к нему. Он наклонил голову. И встал.

Впервые — деревянная лопатка выпала из рук. С глухим стуком.

Он подошёл медленно. Глаза в глаза.

— Что случилось, Ник? — спросила она.

Он молчал.

— Ник, не молчи, пожалуйста.

Он подошёл вплотную. Взял прядку её волос. Покрутил. Ещё раз посмотрел на неё. И начал душить.

Она сопротивлялась. Пыталась кричать. Бить его руками. А он даже бровью не повёл.

Проснулась от удушья. Начала кашлять. Дышала тяжело. С хрипом. Минут десять сидела на кровати, пытаясь унять бьющееся сердце.

Встала. Пошла в ванную. Нужна была холодная вода. Ополоснула лицо. Посмотрела в зеркало.

И ужаснулась.

На шее — следы пальцев. Его пальцев. Багрово-синие. И почему-то ей показалось: они светятся серебром.

Она испугалась.

— НИК! Что ты от меня хочешь?! Уйди, пожалуйста! Оставь меня в покое!!!

Она кричала. Плакала. Скинула всё с раковины. Злилась.

А потом просто сползла по стенке.

— Я так больше не могу.

Тишина. Только капли воды падают на кафель. Медленно. Одна за другой. Как счётчик.

Она не знала, что это только начало.

Акт 2.

Она сидела на полу ванной.

Холодный кафель. Голые ноги. Мокрое лицо. Следы на шее. Она смотрела на них в зеркало и не узнавала себя. Не потому что следы. А потому что глаза. Они были чужими. Как у человека, который перестал понимать, где сон, а где явь.

Она протянула руку к крану. Включила воду. Горячую. Подставила шею. Вода хлестала по коже, обжигала. Она терла следы ладонями. Мочалкой. Мылом. Потом снова ладонями. Кожа краснела. Следы оставались.

Она выключила воду. Посмотрела в зеркало. Следы были на месте. Багрово-синие. Серебряные.

Она смотрела на них долго. Минуту. Две. Пять.

Потом просто сползла по стене. Села на пол. Обняла колени. И замерла.

Телефон лежал на тумбочке. В комнате. Она видела его через открытую дверь. Экран светился. 09:05. Утро. Солнце билось в шторы. Птицы орали за окном. Мир жил. Как будто ничего не случилось.

Она смотрела на телефон. Долго. Потом встала. Ноги держали плохо. Дошла до тумбочки. Взяла его.

Набрала номер. Гудок. Второй. Третий.

— Эни, ты можешь приехать?

— Что случилось?!

— Не по телефону. Пожалуйста.

— Хорошо. Скоро буду.

Гудки. Она выдохнула.

Вернулась в ванную. Посмотрела в зеркало. Следы на шее были. Багрово-синие. Серебряные.

— Это всего лишь сон.

Сказала. Будто заклинание.

Но заклинания не работают. Она это знала. Просто не хотела признавать.

Прибралась. Умылась. В зеркало старалась не смотреть. Сегодня она всё делала механически. Одну и ту же комнату протирала трижды. Не потому что грязно. Потому что нужно было чем-то занять руки.

Эн приехала к вечеру. Не звонила в дверь — у неё были ключи. Элис часто летала в коман-дировки. Оставляла ей ключи. Поливать цветы. И так далее. Иногда Эн ночевала. Жила на другом конце города. А квартира Элис — рядом с её работой.

Элис накрывала на стол. Эни зашла на кухню. С пакетом.

— Оу, а я тоже вкусняшек взяла. Ну ладно, съедим.

Подошла. Поцеловала Элис в щёку.

— Так. Это что такое?

Убрала волосы с шеи. Замерла.

Элис молчала. Смотрела в сторону.

— Я всё расскажу. Давай сядем.

Эни взяла штопор. Открыла бутылку. Налила в бокалы. Они сели за стол.

— За Ника, — сказала она.

Элис кивнула. Они выпили.

— Он опять приходил. Только в этот раз он встал с кресла.

Эни округлила глаза.

— Что?!

— Ага. Он встал. Подошёл. И начал меня душить. Я проснулась. В зеркале увидела это. Я не знаю, как это объяснить. И что это.

Эни вздохнула.

— Как давно ты перестала пить антидепрессанты? И когда была у психотерапевта?

— Таблетки — месяц. У Джейн — последний раз в Италии.

Эни нахмурилась.

— Три месяца назад?

— Да.

— У меня есть один адрес.

Эн взяла телефон. Отправила смс.

— Говорят, они помогут.

Элис прочитала сообщение: «Чарльтон роуд 8, вывеска Лилая».

— А записаться как? И кто это вообще?

— Записи нет. Там либо закрыто, либо открыто. Если открыто — значит, могут помочь.

— Кто они-то?

— Там женщина. Говорят, слепая. И мужчина рядом с ней. Говорят, они такие красивые, что забываешь обо всём.

— Это психологи или кто?

— Никто не знает. Но после них всегда меняется восприятие. Я говорю лишь то, что слышала. Попробуй. Может, правда помогут. И тебе станет легче.

— Хорошо.

— Я тоже теряла, — сказала Эни. — Ты знаешь.

Элис знала.

Эни потеряла маму. Пять лет назад. Рак. Быстро. От диагноза до похорон. Эни тогда просто смотрела часами в стену. А потом работала. С утра до ночи. Не ходила ни по клубам, ни по ресторанам.

Но всему есть предел.

Её организм сам стал сдаваться. Она всегда была усталой. Потом просто взяла отпуск. Сняла домик за пределами города. И три дня там плакала, пока все слёзы не вышли.

А потом, ночью, она увидела маму. Та стояла на кухне и будто готовила. Повернулась. И улыбнулась.

Эни закричала. А мама исчезла. И больше не появлялась.

Эни никогда об этом не рассказывала.

Первый бокал. Второй. Элис расслабилась.

Они ещё долго сидели. Ели. Сплетничали. Говорили обо всём. Эни рассказывала про нового директора. Какой он красавчик. Говорили про будущий отпуск. Ни слова больше о кошмаре. И о Нике.

Вино допито. Еда съедена. Две девушки лежали в кровати. Смотрели какую-то комедию. И смеялись.

А утром Элис проснулась первой. Посмотрела на Эни. Та спала. Тихо. Спокойно. А на полу рядом — там, где лежала голова Элис, — остался тёмный след. Как от пальцев. Вдавленный. Серебряный.

Элис посмотрела на свои руки. На свои пальцы. И ничего не сказала.

Акт 3.

Девушки собирались. Кто куда. Эни — к сестре. Элис — по тому адресу.

— Всё будет хорошо. Не переживай.

— Хорошо. Спасибо.

Они попрощались у выхода. Элис села в машину. Включила навигатор. И поехала.

Подъезжая к тому району, Элис наблюдала, как здания офисов и многоэтажек меняются на викторианский стиль. Трёхэтажные домики с вензелями. С плющом на заборах и домах. Она опустила стекло. Вдохнула. И воздух здесь был другой. Древние книги. Горячий чай с корицей. Что-то ещё. Что-то, что она не могла назвать.

Она припарковалась у того дома. Он был тёмного цвета. Почти чёрного. Окна тоже были чёрными. Кованые ворота. Плющ. А там, за забором — аллея из белых роз. Из красных. Из лилий. Целая оранжерея.

Ни звонка, ни чего-либо ещё у ворот не было. Элис толкнула ворота. И они открылись.

Шла по тропинке к дому. В нос ударила симфония ароматов. Это было безумие. Сладкая ваниль. Цитрус. Свежесть океана. Она на секунду остановилась. Вдохнула этот аромат. И пошла к двери.

Она не знала: стучать или звонить. Звонка не было. Постучала. Три раза. Тишина.

Она поднесла руку, чтобы ещё раз постучать. Но дверь сама открылась перед ней.

Впереди был только коридор. Элис стояла на пороге, пытаясь понять, что сейчас произошло. Она ступила в коридор. Тишина была абсолютной. Лишь часы тикали на стене.

— Есть кто?

Полушёпотом. Ей никто не ответил.

Она пошла по коридору. На стенах висели картины. Разные. От маленьких до больших. Она не понимала, что на них изображено. Какие-то люди. То в сражениях. То как портреты. В разных одеждах. Но все они были очень красивые.

У одной она остановилась. Там была девушка с пепельными волосами. Она сидела в саду. В белом платье. А на глазах была повязка. Но она улыбалась. Так ярко, что сердце Элис пропустило удар. Она сглотнула. Ей захотелось прикоснуться к картине.

Но перед этим — она заметила ещё одну. Слева. Почти в тени. Маленькая. Тёмная. На ней — мужчина. Спиной. Он стоял у окна. В руках — чашка. За окном — дождь. Она не видела его лица. Но почему-то знала: он улыбается. Не ей. Не кому-то. Просто — улыбается. Как улыбаются, когда никто не смотрит.

Она хотела подойти ближе. Но половица скрипнула.

Она обернулась.

На лестнице стоял мужчина. Высокий. Волосы чёрные, как смола. Он стоял. Смотрел на Элис. Молча.

— Здравствуйте. Мне посоветовали вас.

Мужчина кивнул. Развернулся. И пошёл наверх.

Элис не поняла, что это значит. Но почему-то пошла следом. Мужчина шёл не спеша. Он не ждал и не бежал. Шёл в своём темпе. Но так, чтобы Элис не потеряла его из виду в этих ко-ридорах.

Она поднималась за ним. И чувствовала: воздух меняется. Чем выше — тем холоднее. Не физически. Иначе. Как будто дом дышал. Как будто дом ждал.

Он остановился у двери. Открыл её. Пригласил жестом внутрь.

Элис шагнула. И остановилась. Что-то держало её за грудь. И тянуло вперёд. Одновременно.

Она зашла.

Внутри был большой кабинет. Чёрно-серебряные обои. Шторы чёрные, с серебряными ки-сточками. Диван. Шкаф с книгами и папками. За столом сидела женщина.

Пепельные волосы. Длинные пальцы. Она водила ими по страницам. Рядом — чашка. Пар.

Пахло цитрусом и свежестью.

Мужчина указал на диван. Элис села. Мужчина подошёл к женщине. Положил руку ей на плечо.

Она подняла голову.

И Элис увидела её глаза. Зрачков не было. Пелена. И казалось, из-за чёрного цвета её глаза переливались серебром.

Элис смотрела как замороженная. Видела, как вращаются глаза женщины. Она будто сканировала. Молчание длилось недолго. Элис вздохнула.

— Мне сказали, вы можете помочь.

— Ты хочешь забыть смерть? Но память без смерти не существует, как и смерть без памяти.

Элис от удивления открыла рот.

— Откуда вы...

Женщина подняла руку.

— Ты винишь себя в его смерти.

— Да. Я виновата. Если бы...

Элис не договорила. Слёзы потекли по её щекам. Она вытирала их ладонями. Женщина молчала. Мужчина подошёл к Элис. Присел на диван. Взял её руки в свои. Его руки были холодными. Очень. Как лёд.

Он прикоснулся к её голове. Провёл рукой по её лицу. Элис закрыла глаза.

Тот самый день.

С утра они завтракали. Смеялись. Он шутил опять.

— Прекрати. У меня уже живот болит столько смеяться.

— Это полезно.

— Милый, ты можешь сходить в магазин? Сегодня Эни придёт с Маркусом. Я приготовлю лёгкий ужин.

— Конечно.

Ник поцеловал её. Он ушёл.

Элис писала ему смс — что купить. Она не знала, что Ник шёл. Читал её сообщение. Запоминал. И что в этот момент его задел подросток. У Ника выпал телефон.

Но Ник не ругался. Он никогда не ругался. Он спокойно поднял телефон. Подросток извинился.

— Ничего. Бывает.

Сказал Ник.

В этот момент у старушки сорвалась собака с поводка. И побежала на дорогу. Женщина кричала:

— Стейси, стой! Стоять, я сказала!

Но Стейси бежала. С высунутым языком. Уже.

Ник услышал этот крик. Увидел собаку. Он уже бежал навстречу. Он знал, как остановить собаку. Потому что когда-то работал кинологом.

Даже подросток пытался помочь. Но никто из тех, кто был на улице, не знал, что через тридцать секунд появится пьяный водитель.

Он напился. Разозлился. И дал газу.

Никто не знал, что Ника машина протащит несколько метров. И что скорая не успеет.

Элис открыла глаза. Захлёбывалась от слёз.

— Это я виновата. Если бы я не отправила его в магазин. Если бы не писала смс.

Она плакала навзрыд.

— Нет. Это была судьба. Ты не виновата.

Элис рыдала.

— У всего есть свой срок. Особенно у жизни.

— Я не могу. Это моя ошибка.

— Нет. Ты должна отпустить. Ты сказала, хочешь забыть его. Но его не нужно забывать. Он всегда будет рядом. Отпусти его. Ему будет легче.

— Откуда вы знаете?

— Знаю.

— Он душил меня.

Хриплым голосом сказала Элис.

— Он не желает твоей смерти. Он хочет, чтобы ты очнулась от своих терзающих мыслей. Отпусти. Дай ему уйти.

— Он здесь?

Элис не верила.

— Он всегда будет здесь.

Мужчина, сидевший рядом, прикоснулся к её голове. И к её сердцу.

— Что мне делать?

— Понять, что ты не виновата.

Элис сидела. Смотрела на свои руки. Вытирала слёзы. И ей казалось: они светятся серебром.

— Вы... вы показали мне тот день. Но как? Меня там не было.

— Это неважно. Важно, чтобы ты слышала. Что тебе тут было сказано.

Элис была шокирована. Сознание возвращалось медленно. Она будто была ещё в том дне.

Элис встала.

— Я вам что-то должна?

— Нет. Но если хочешь — можешь приходить. Ухаживать за цветами.

— Спасибо.

И вышла.

Она села в машину. Просто сидела. Закрыла глаза. Спустя минуту открыла. Посмотрела на тот самый дом. Видела, как мужчина выносит ту самую женщину из дома. Сажает в коляску. И везёт в сад.

Элис улыбнулась. Включила двигатель. И поехала домой.

По пути купила букет пионов. Она любила пионы. И Ник всегда ей дарил их.

Был вечер. Она зажгла свечу рядом с его фотографией. Поставила рядом вазу с пионами. И села.

— Я люблю тебя, Ник. И всегда буду любить. И всегда буду помнить. И я не виновата. Прости меня. Что корила себя.

Она говорила это с комом в горле. Со слезами на глазах. Смотрела на блики стекла на рамке. И увидела Ника.

Обернулась. Он стоял в проходе. И улыбался.

— Я люблю тебя, Элис. Всегда. Я прощаю.

И исчез.

Элис моргнула. Ещё раз. Протёрла глаза. Пусто. И будто камень упал с плеч. Она вздохнула. Глубоко. И выдохнула. И улыбнулась. Искренне. И даже радостно.

Эпилог

После того дня Элис принесла на кладбище пионы. Положила на могилу. И поговорила с Ником. Ещё раз.

В тот дом она сперва боялась приходить. Стояла у ворот. Смотрела на чёрные окна. И не решалась.

А потом — толкнула ворота. И вошла. Без страха.

Она пекла пироги. Для той женщины. И ухаживала за цветами. Подстригала. Убирала сорняки. Поливала.

В один день она сидела у кустов красных роз. Убирала сорняки. Те розы были злые. Элис всегда так говорила. Потому что у них были самые острые шипы.

Она порезалась об один из таких. Зашипела. Поднесла палец к губам. Как в детстве. Чтобы кровь перестала идти. Но кровь не останавливалась. Под рукой, кроме своей одежды, не было ничего.

Элис поднялась с колен. И врезалась в мощную грудь.

Подняла голову.

Перед ней стоял мужчина. Глаза необычного цвета. Изумрудные. Ореховые. Даже с капелькой золотого. Чёрные короткие волосы. Прямой нос. И ухмылка на губах.

— Осторожнее.

— Простите. Не заметила вас.

— Зато я вас заметил.

Он достал платок. Обернул палец.

— Так будет лучше.

— Спасибо.

— Не стоит. Вы ухаживаете за цветами?

— Да. Вроде того.

— Красивые цветы.

— Да.

Пауза. Она смотрела на его глаза. Он смотрел на неё. И в этой паузе было что-то. Что-то, что она не могла назвать.

— Вы, наверное, голодны. Могу пригласить вас в ресторан. Тут недалеко.

Элис не знала, что ответить. Ей казалось, она начала краснеть.

— Пригласите.

— Приглашаю.

Он засмеялся. Элис улыбнулась в ответ.

И каждый год с тех пор горела одна свеча. И стоял букет. Только уже не пионов. А красных роз. Он сам их покупал. И ставил в вазу. А она смотрела в его глаза.

— Всё будет хорошо, — говорил он.

И она верила.

И где-то там, в доме, женщина улыбалась. Потому что знала. Она всегда всё знала. Знала, что судьба их сведёт. Она просто указала путь.

А мужчина ставил чай. И резал пирог. Который Элис испекла в очередной раз. Просто так. Без причины. Потому что хотела сама.

Погасла третья свеча...

«Это — первая ступень. Вспоминай. Ведь память - единственное, что ты можешь оставить.»

Ступени
Вероника Гордеева

Голова гудела, аки царь-колокол после удара языка. Я боялся открывать глаза, так как даже под закрытыми веками чувствовал свет — и от этого слабого, рыжего света было больно. Решил прислушаться: тихо. Только потрескивание, как от свечки. Только разве может свеча так громко трещать? По ушам бьёт.

Глаза я открыл, но тут же зажмурился и не смог сдержать крика — глаза прожгло так, будто мне попытались выколоть их горячей кочергой!

И сквозь свой же стон услышал тихий голос:

— Найдёшь выход — выживешь. Нет — значит, останешься здесь.

По привычке мотнул головой и плюнул в сторону голоса:

— Я не вижу ни хрена, тварина!

В ту же секунду ладонь сильно обожгло, но боль была короткой, как будто чем-то капнули. Потрогал — на ощупь капля была как воск. И запах... Свеча. Звук, рыжие блики, запах и капля воска на ладони. Точно, свеча. Да где я вообще?! Что за шутки!

С трудом разлепив мокрые от слёз глаза и посмотрев прямо перед собой, я стал ждать, когда изображение проявится — всё было как в тумане. Тёмное помещение, одна свечка, но больше так ничего увидеть и не удалось. Туман с глаз никуда не девался, а изображение было похоже на недорисованный калейдоскоп: как будто смотрю через несколько прицелов сразу. Между этими кусочками картинки — липкая пелена тёмно-серого чего-то, которое шевелится, изображая из себя пьяного кальмара.

Да что происходит?!

Поморгал, протёр глаза. Ещё проморгался. Не помогает. Всё такое нечёткое. В общем — не видно мне помещения, где я оказался. Память ушла в отпуск без моего разрешения.

Кое-как нашарив рукой стену, я устроился около неё сидя. Голова продолжала разламываться, из глаз текли горячие, обжигающие слёзы. Не от отчаяния, а от боли. А ещё — от обиды. Я не мог увидеть, где нахожусь. И от этого становилось не по себе. И тут по ушам ударил тот же голос, который меня «поприветствовал» несколькими минутами ранее:

— Если останешься здесь — тебя заберёт небытие.

Зашибись, блин. В каком это смысле «заберёт небытие»? Не успел я додумать до конца, как голос вновь отозвался:

— Жив тот, кого помнят. В небытие попадает тот, кого не помнят. Оттуда нет пути назад. Время пошло...

Голос затих, оставив только мерзкий шелест около уха. Как комар, только без писка. Я тряхнул головой. Это было самой большой ошибкой, ибо голова моя взорвалась новым приступом боли. А в глаза ударил свет. Этот проклятый, рыжий, прыгающий свет свечи!

Кажется, я только что орал, как недорезанный. Горло сжало, и стало больно глотать и неприятно дышать. Но мне жутко не хотелось куда-то там. Я туда определённо не отправлюсь! Я найду выход, пусть даже для этого придётся зубами его выгрызть! Меня есть кому помнить!

Так, стоять. С чего это я вообще начал верить в сверхъестественное и в какое-то там наставление хер пойми кого воспринял как инструкцию? Никогда так не делал, а тут — пове-

рил, как школьник. Хэ, тоже мне, мужик взрослый! Голосу из ниоткуда верит! Детский сад, штаны на лямках!

Однако в лицо брызнуло чем-то очень горячим и густым. По запаху понял, что это опять воск.

И снова в глаза дало всполохом рыжего пламени. Эта вспышка лишила меня даже тех крупиц зрения, что были ранее. Обидно до омерзения. Но надо было как-то найти выход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.